

Dylan Thomas

THE MAP OF LOVE

Here dwell, said Sam Rib, the two-backed beasts. He pointed to his map of Love, a square of seas and islands and strange continents with a forest of darkness at each extremity. The two-backed island, on the line of the equator, went in like the skin of lupus to his touch, and the blood sea surrounding found a new motion in its waters. Here seed, up the tide, broke on the boiling coasts, the sand grains multiplied, the seasons passed, summer, in a father's heat, went down to the autumn and the first pucks of winter, leaving the island shaping the four contrary winds out of its hollows.

Here, said Sam Rib, digging his fingers in the hills of a little island, dwell the first beasts of love. And here the get of the first loves mixed, as he knew, with the grasses that oiled their green upgoings, with their own wind and sap nurtured the first rasp of love that never, until spring came, found the nerves' answer in the following blades.

Beth Rib and Reuben marked the green sea around the island. It ran through the landcracks like a boy through his first caves. Under the sea they marked the channels, painted in skeleton, that linked the first beasts' island with the boggy lands. For shame of the half liquid plants sprouting from the bog, the pen drawn poisons seething in the grass, and the copulation in the second mud, the children blushed.

Here, said Sam Rib, two weathers move. He traced with his finger the lightly drawn triangles of two winds, and the mouths of two cornered cherubs. The weathers moved in one direction. Singly they crawled over the abominations of the swamp, content in the shadow of their own rains and snowings, in the noise of their own sighs, and the pleasures of their own green achings. The weathers, like a girl and a boy moved through the tossing world, the sea storm dragging under them, the clouds divided in many

Дилан Томас

КАРТА ЛЮБВИ
(Перевод Д.В. Псурцева)

– Здесь обитают твари о двух спинах, – сказал Самуил Ребро, указывая место на карте. То была его была карта Любви: моря, острова, неизведанные материки, у которых оконечности терялись в чаще сумерек... Остров, где жили твари о двух спинах, лежал на самой линии экватора; от прикосновения он вмялся, словно кожа больного волчанкой; омывающее его кровавое море оживилось. В прилив это море выбрасывало семя на распалённые берега – и песок умножался; чередой проходили времена года: лето, утрачивая животворящий свой пыл, сменялось осенью, за ней являлись первые тернии зимы, – и в этой череде рождались из недр острова четыре несогласных ветра.

–А здесь, – сказал Самуил Ребро, ковырнув пальцами холмы другого островка, – обитают первые твари, способные любить.

Их приплод, как известно было Самуилу, растворяется в травах, что растут ловко, глянцево к солнцу, – но своим тёплым дыханьем, зелёным соком эти травы воспитают в себе некий зародыш любви, который по весне шевельнётся, отзовется в нервах несметного множества стеблей и листьев.

Лиза Ребро и Рувим посмотрели на зелёное море вокруг острова. Оно забиралось, проникало в глубокие извилистые лагуны, точно юный исследователь в свои первые пещеры. Под дном моря дети заметили пунктирные протоки, что связывали остров первой любви с болотистыми материковыми землями. Из трясины подымались удивительные полужидкие растения, в траве клокотали нарисованные яды, в грязной жиже что-то совокуплялось, – дети стыдливо покраснели.

–А вот здесь, – промолвил Самуил, – лежат пути двух стихий.

Он указал пальцем в углы карты, где раздували щёки два херувима, давая жизнь двум бледно начертанным ветрам. Стихии стремились в одну сторону. По-одиночке они пролетали над отвратительными созданиями в болотной трясины, которые признавали лишь свои ветры и снегопады, слышали лишь свои собственные вздохи, ведали лишь собственные слад-

rages of movement as they stared on the raw wall of wind.

Return, synthetic prodigals, to thy father's laboratory, declaimed Sam Rib, and the fatted call in a test tube. He indicated the shift of locations, the pen lines of the separate weathers traveling over the deep sea and the second split between the lovers' worlds. The cherubs blew harder, wind of the two tossing weathers and the sprays of the cohering sea drove on and on, on the single strand of two coupled countries, the weathers stood. The two naked towers on the two-loves-in-a-grain of the million sands, they mixed, so the map arrows said, into a single strength. But the arrows of ink shot them back, two weakened towers, wet with love they trembled at the terror of their first mixing and two pale shadows blew over the land.

Beth and Reuben scaled the hill that cast an eye of stone on the striped valley, hand in hand they ran down the hill, singing as they went and took off their gaiters at the wet grass of the first of the twenty fields. Here was a spirit in the valley that would roll on when all the hills and trees all the rocks and streams had been buried under the West death. Here was the first field wherein mad Jarvis, a hundred years before, had sown his seed in the belly of a bald-headed girl who had wandered out of a distant county and lain with him in the pains of love.

Here was the fourth field, a place of wonder, where the dead might spin all drunken legged out of the dry graves, or the fallen angels battle upon the waters of the streams. Planted deeper in the soil of the valley than the blind roots could burrow after their mites the spirit of the fourth field rose out of darkness, drawing the deep and the dark from the hearts of all who trod the valley a score or more miles from the borders of the mountainous county.

In the tenth and the central field Beth Rib and Reuben knocked at the door of the bungalows, asking the location of the first island surrounded by loving hills. They knocked at the back door and received a ghostly admonishment.

Barefooted and hand in hand they ran through the ten remain-

кие зелёные мухи. Две стихии, словно мальчик и девочка, совершали путь в неласковом мире: закипали под ними морские воды, яростно топорщились под ветряным гребнем облака.

– Вернитесь, искусственные блудные чада, в лабораторию создателя вашего, – провозгласил Самуил Ребро, – телец же упитанный пусть вернётся в пробирку.

Самуил повёл пальцем вниз по карте; стихии прошли по-рознь над глубоким морем, над бездной меж двух влюблённых материков. Сильнее задули херувимы: настойчивее сделался порыв ветров, резвее покатили им вдогонку морские валы; на границе двух приникших друг к другу стран, среди песков, две стихии, как явствовало из стрелок на карте, встретились. Здесь, в песчаной обители, где каждая песчинка – средоточие любви, вмещает две малые половины, – слились воедино два нагих смерча. Но тут же, ослабев, в испарине, в страхе от своего первого любовного слияния, смерчи метнулись прочь друг от друга по чернильным колеям; и пореяли над землёю две бледные тени...

Лиза Ребро и Рувим оглядели окрестности с холма, стоявшего каменным стражем над лоскутной долиной. Взявшись за руки, напевая, они легко сбежали по склону и сняли гетры и обувь на краю росистого поля, первого из двадцати полей долины. В долине царит некий дух, который не умрёт и тогда, когда все холмы и деревья, все камни и ручьи упокоятся в смертельном закате. В самом первом поле, сто лет тому назад безумец Джарвис посеял своё семя в чрево плешивой девочки, что забрела сюда из отдалённого графства и возлежала здесь с Джарвисом в сладких любовных муках.

Удивительнее всего четвёртое поле, где мертвецы могут выйти шальной походкой из своих пересохших могил, и где на водах ручьёв воюют между собой падшие ангелы. Дух четвёртого поля обитает в земле долины на той глубине, куда не забираются даже слепые корни в погоне за своими братьями; и когда он поднимается из темноты, поднимается заодно с ним всё тёмное из глубин сердца путника, что целый день шагал сюда долиной от самой границы гористого графства.

На десятом, среднем поле Лиза Ребро и Рувим постучались в двери одноэтажных домиков, спросили, как отыскать первый остров, тот самый, с круглыми холмами, и получили призрачное наставление.

ing fields to the edge of the Idris water where the wind smelt of seaweed and the valley spirit was wet with sea rain. But night came down hind on thigh, and shapes in the further stretches of the now misty river drew a new shape close to them. An island shape walled with darkness a half-mile up river. Stealthily Beth Rib and Reuben tiptoed to the lapping water They saw the shape grow, unlocked their lingers, took off their summer clothes, and, naked, raced into the river.

Up river, up river, she whispered.

Up river, lie said.

They floated down river as a current tugged at their legs, but they fought off the current and swam towards the still growing island. Then mud rose from the bed of the river and sucked at Beth's feet.

Down river, down river, she called, struggling from the mud.

Reuben, weed-bound, fought with the grey heads that fought his hands, and followed her back to the brink of the sea-going valley.

But, as Beth swam, the water tickled her; the water pressed on her side.

My love, cried Reuben, excited by the tickling water and the hands of the weeds.

And, as they stood naked on the twentieth field, My love, she whispered.

First fear shot them back. Wet as they were, they pulled their clothes on them.

Over the fields, she said.

Over the fields, in the direction of the hills and the hill-home of Sam Rib, like weakened towers the children ran, no longer linked, bewildered by the mud and blushing at the first tickle of the misty island water.

Here dwell, said Sam Rib, the first beasts of love. In the cool of a new morning the children listened, too frightened to touch hands. He touched again the sagging hill above the island, and

Босиком, взявшись за руки, пробежали они остальные десять полей и очутились у излучины реки Идрис; ветер здесь веял уже морскими водорослями, и дух долины был настоян на близости моря. Сошла хозяйкой на землю ночь; в полумиле вверх по реке, в дальних плесках речного тумана, вдруг неясно дрогнуло, очертилось что-то. То был остров, завянный мглой. Лиза Ребро и Рувим на цыпочках, крадучись спустились к тихо плещущей воде. Остров словно бы рос; дети выпустили руку друг друга, сняли летние одежды и вбежали нагие в реку.

– Туда, против течения, к истоку! – позвала шёпотом Лиза.

– Туда! – согласился Рувим.

Течение потянуло за ноги, снося, но Лиза с Рувимом поплыли реке наперекор, ко всё растущему острову. Поднялся со дна реки ил, стал засасывать ноги Лизы.

– Всё, плывём по течению! – прокричала она, вырываясь из ила.

Рувим отбился от рати водорослей – не дал себя спутать по рукам и ногам, – и поплыл вслед за Лизой обратно, туда где был берег простёршейся к морю долины.

Вода щекотала, обнимала плывущую Лизу...

– Любимая! – воскликнул Рувим, сам не свой от жадных прикосновений водорослей, от щекочущей воды.

И Лиза – они уже стояли нагие на двадцатом поле – прошептала в ответ: – Любимый!

В первом страхе метнулись они друг от друга. И как были, мокрые, натянули на тело одежду.

– Полями! – крикнула Лиза.

И дети помчались полями, словно два обессиленных смерча, в сторону круглых холмов и стоявшего на одном из них Самуилова дома; дети мчались отдельно, всё ещё смущаясь и краснея от грязи и от первой щекотки парной воды вокруг острова...

– Здесь, – сказал Самуил Ребро, – обитают первые твари, способные любить.

Дети ёжились на утреннем холоде, слушали Самуила, всё ещё страшась взяться за руки. Самуил, как в тот раз, ковырнул податливый холм на острове, и опять показал, где пролегают пунктирные протоки, которые соеди-

pointed the progression of the skeleton channels linking mud with mud, green sea with darker, and all love-hills and islands into one territory. Here the grass mates, the green mates, the grains, said Sam Rib, and the dividing waters mate and are mated. The sun with the grass and the green, sand with water, and water with the green grass, these mate and are mated for the bearing and fostering of the globe. Sam Rib had mated with a green woman, as Great-Uncle Jarvis with his bald girl; he had mated with a womanly water for the bearing and fostering of the child who blushed by him. He marked how the boggy lands lay so near the first beast doubling a back, the round of doubled beasts under as high a hill as Great-Uncle's hill that had frowned last night and wrapped itself in stones. Great Uncle's hill had cut the children's feet, for the daps and the gaiters were lost forever in the grass of the first held.

Thinking of the hill, Beth Rib and Reuben sat quiet. They heard Sam say that the hill of the first island grew soft as wool for the descent, or smooth as ice for tobogganing. They remembered the tame descent last night.

Tame hill, said Sam Rib, grows wild for the ascending. Lining the adolescents' hill was a white route of stone and ice marked with the sliding foot or sledge of the children going down; another route, at the foot, climbed upwards in a line of red stone and blood marked with the cracking prints of the ascending children. The descent was soft as wool. Fail on the first island, and the ascending hill wraps itself in a sharp thing of stones.

Beth Rib and Reuben, never forgetful of the hump-backed boulders and the flints in the grass, turned to each other for the first time that day. Sam Rib had made her and would mould him, would make and mould the boy and girl together into a double climber that sought the island and melted there into a single strength. He told them again of the mud, but did not frighten them. And the grey heads of the weeds were broken, never to swell again in the hands of the swimmer. The day of ascending was over; the first descent remained, a hill on the map of love, two

няют болото с болотом, зелёное море – с синим, и связывают все круглые смуглые холмы, все острова – в одну страну.

–Здесь, – сказал Самуил Ребро, – себе ищет чету травинка, и зелёное сухое, и песчинка, и пролёгшая между ними вода, – все себе ищут чету – и находят. Сочетается солнце с зелёной травой, и песок сочетается с водами; также воды с зелёной травой; все они сочетаются, и от этого нарождается земной шар.

В своё время и сам Самуил сочетался с зелёною девой – с шаловливой водой – (как когда-то двоюродный дед его, Джарвис – с плешивою девой), – и народилось у Самуила дитя, что стоит теперь рядом, стыдливо краснеет. Самуил посмотрел на болотистые земли, как близко они подходят к острову, где живут твари о двух спинах; как много лежит этих тварей вокруг холма; холм такой же высокий, как Джарвисов холм, что вздохнул вчера вечером, и оделся в камень. И теперь дети, пока на него забрались, в кровь изранили ноги, – ведь их обувь и гетры остались вчера на меже у первого поля.

“Вот так холм,” – думали Лиза с Рувимом, сидя в молчании. Самуил им стал объяснять, что спускаться с холма первого острова – холма взрослых – легко: мягче пуха, глаже накатанного льда, его склоны стелются под ноги. Дети вспомнили, что когда спускались вчера, холм, и правда, казался ручным.

– Да, спускаться – ручной, – подтвердил Самуил. – Но попробуй взойди на него, он покажет свой норов.

Вниз с вершины пролегалла – в белом камне и льду – колея, оттого что спускались здесь дети, скользя на ногах или полозьях; от подножья к вершине вела другая колея – её выбили ноги шедших наверх детей, чьи следы отпечатались в неровном камне, красном от крови. Да, здесь спускаешься, словно по пуху. Но если на первом острове постигнет тебя неудача, то взойти обратно на холм тяжело – он оденется в острые камни.

Лиза Ребро и Рувим, всё ещё помня горбатые валуны, и осколки кремня в траве, впервые за весь день посмотрели в упор друг на друга... Самуил создал некогда Лизу, теперь надо пересоздать Рувима, чтобы словно один одержимый, дети стали искать свой остров, и нашли бы, и на нём растворились друг в друге, слились в одну силу. Он им принялся говорить о вче-

branches of stone and olive in the children's hands.

Synthetic prodigals returned that night to the room of the hill, through caves and chambers running to the roof, discerning the roof of stars, and happy in their locked hands. There lay the striped valley before them, and the grass of the twenty fields fed the cattle; the night cattle moved by the hedges or lapped at warm Idris water. Beth Rib and Reuben ran down the hill, and the tender stones lay still under their feet; faster, they ran down the Jarvis flank, the wind at their hair, smells of the sea blown to their quivering nostrils from the north and the south where there was no sea; and, slowing their speed, they reached the first field and the rim of the valley to find their gaiters placed neatly in a cow-cloven spot in the grass.

They buttoned on their gaiters, and ran through the falling blades.

Here is the first field, said Beth Rib to Reuben.

The children stopped, the moonlight night went on, a voice spoke from the hedge darkness.

Said the voice, You are the children of love.

Where are you?

I am Jarvis.

Who are you?

Here, my dears, here in the hedge with a wise woman.

But the children ran away from the voice in the hedge.

Here in the second field.

They stopped for breath, and a weasel, making his noise, ran over their feet.

Hold harder.

I'll hold you harder.

Said a voice, Hold hard, the children of love.

Where are you?

I am Jarvis.

Who are you?

Here, here, lying with a virgin from Dolgelley.

рашнем иле, но они уже ничего не боялись. Водорослей навсегда полегла серебристая рать, и отныне свободными будут руки пловца. Окончен день восхождения; остаётся спуститься, как в первый раз, с холма на карте Любви; Самуил вручил им по ветви оливы, нерушимой как камень.

Искусственные блудные чада воротились этой ночью на холм к создателю, и сквозь множество гротов и комнат поднялись к самой крыше, звёздной крыше, и со счастьем взяли за руки. А внизу под ними лежала долина из двадцати лоскутов, пасся скот в ночном; коровы бродили вдоль изгородей из кустарника, жадно пили тёплую воду реки Идрис. Лиза Ребро и Рувим сбежали по склону (камень нежно лёг под ноги) – и помчались ещё быстрее вдоль границы Джарвисовой долины: бились волосы их на ветру, раздувались их ноздри, ловя запахи моря с юга, с севера, где моря не было; замедлив свой бег, дети достигли начала долины, края первого поля, – тут, на вытопанной коровами меже, аккуратно лежали их гетры.

Они натянули гетры и вбежали в травы, звеневшие как серпы.

– Это самое первое поле, – молвила Лиза Рувиму.

Дети остановились; лилась лунная ночь; из мрака кустарниковой изгороди раздался голос:

– Привет вам, дети любви.

– Где ты?

– Я сам Джарвис.

– Кто ты?

– Здесь я, милые, рядом. И со мною премудрая женщина.

Дети бросились прочь.

– погоди, вот второе поле. – Они остановились, отдышаться. Хорёк с фырканием пробежал у них по ногам.

– Ты держи меня крепче.

– Да, я буду держать тебя крепко.

Тут послышался голос:

– Держите друг друга крепко, дети любви.

– Где ты?

– Я сам Джарвис.

– Кто ты?

– Здесь я, здесь. Лежу с девственницей из Долгли...

In the third field the man of Jarvis lay loving a green girl, and, as he called them the children of love, lay loving her ghost and the smell of buttermilk on her breath. He loved a cripple in the fourth field, for the twist in her limbs made loving longer, and he cursed the straight children who found him with a straight-limbed lover in the fifth field marking the quarter.

A girl from Tiger Bay held Jarvis close, and her lips marked a red, cracked heart upon his throat; this was the sixth and the weather-tracked field where, turning from the maul of her hands, he saw their innocence, two flowers wagging in a sow's ear. My rose, said Jarvis, but the seventh love smelt in his hands, his fin-gering hands that held Glamorgan's canker under the eighth hedge. From the Convent of Bethel's Heart, a holy woman served him the ninth time.

And the children in the central field cried as ten voices came up, came up, came down from the ten spaces of the half-night and the hedging world.

It was full night when they answered, when the voices of one voice compassionately answered the two voiced question ringing on the strokes of the upward, upward, and the downward air.

We, said they, are Jarvis, Jarvis under the hedge, in the arms of a woman, a green woman, a woman bald as a badger, on a nun's thigh.

They counted the numbers of their loves before the children's ears. Beth Rib and Reuben heard the ten oracles, and shyly they surrendered. Over the remaining fields, to the whispers of the last ten lovers, to the voice of ageing Jarvis, grey-haired in the final shadows, they sped to Idris. The island shone, the water babbled, there was a gesture of the limbs in each wind's stroke denting the flat river. He took off her summer clothes, and she shaped her arms like a swan. The bare boy stood at her shoulder; and she turned and saw him dive into the ripples in her wake. Behind them her fathers' voices slipped out of sound.

Up river, called Beth, up river.

В третьем поле любил он зелёную девушку и, окликнув детей любви, продолжал любить её призрак, её спохтанное дыхание. А в четвёртом – любил он калеку: из-за вывороченных её ног, можно было любить её дольше. В пятом поле – позади уже четверть долины! – он любил исправную женщину; дети чуть не споткнулись о них, Джарвис долго бранился вслед.

В шестом поле, причёсанном непогодой, Джарвиса крепко обнимала девушка из Тигровой бухты, и алело у него на шее растреснутое сердечко её губ; Джарвис, лёжа в тисках объятий, оглянулся и увидел, что дети невинны, они словно цветок колоска, ждущий ветра... “О любовь моя, ты как роза,” – говорил Джарвис седьмой возлюбленной, но она растаяла у него в руках, в его жадных руках, что в тени восьмой изгороди обнимали восьмую женщину – в язвах – из Гламоргана. А девятой ему услужала монахиня из обители Сердца Вефильского.

Дети миновали десятое, среднее, поле, – и вскричали от удивления, от неожиданности, – ибо к ним, из укромных, как те изгороди, пространств близкой ночи, донеслись на волнах воздуха, подымаясь, подымаясь и опадая, голоса.

А вернее, это был один голос, отвечавший сочувственно десятью головами на тот первый двухголосый вопрос – кто ты?

Отвечал он, то вздымаясь, то падая на воздушной волне уже полной ночи: “Я Джарвис, в кустах, в объятиях женских; и с зелёной женщиной – Джарвис; и с плешивой девочкой – Джарвис; и у чресл монахини – Джарвис...”

Так сосчитаны были любовницы Джарвиса – пред ушами детей; в десяти голосах прозвучало пророчество, и дети ему робко покорились. По оставшимся полям, где шептали последние десять любовниц и где слышался всё стареющий голос Джарвиса, напоследок совсем седого, – пробежали дети к реке. Остров издали им сиял; речная вода лепетала, ветер будто дланью ласкал её плоское лоно... Рувим снял летнюю одежду с Лизы; и Лиза полебяжьи сложила руки. Нагой мальчик встал рядом. Лиза поплыла, оглянувшись: Рувим нырнул в мелкие волны, которые шли от неё... Голоса предков Лизы растаяли сзади.

– Против течения, к истоку! – позвала Лиза.

– Да, к истоку! – ответил Рувим.

Перевод опубликован на сайте о переводе и для переводчиков «Думать вслух»

<http://www.thinkaloud.ru/translationslr.html>

<p>Up river, he answered. Only the warm, mapped waters ran that night over the edges of the first beasts' island white in a new moon.</p>	<p>Только тёплые воды плескали этой ночью об остров на карте – остров первых тварей, белевший под новой луной.</p>
---	--